

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ З. П. СОКОЛОВОЙ «ЭНДОГАМИЯ И ЭТНОС»

© 1992 г., ЭО, № 4

Статья З. П. Соколовой заинтересовала меня как антрополога, занимающегося народами Западной Сибири. Автором проведена огромная и полезная работа по выявлению кругов брачных связей у обских угров в XVIII—XIX вв., которая в полном объеме изложена не в статье, а в книге «Эндогамный ареал и этническая группа» (М., 1991). Подобная работа, на мой взгляд, должна предшествовать любому региональному антропологическому исследованию. Только слабая обеспеченность науки кадрами не позволяет широко внедрить этот достаточно трудоемкий вид анализа в повседневную практику. Важность исследования брачности населения определяется тем, что таким способом выявляются границы человеческих популяций, тех элементарных общностей, которые в биологическом смысле обладают собственной эволюционной судьбой. Именно на этом уровне идут формообразующие процессы. Поэтому при длительном — на протяжении многих поколений — существовании эндогамных ареалов можно ожидать их совмещения с картой антропологических вариантов. В целом именно такая закономерность постепенно вырисовывается по мере накопления антропологического материала в Западной Сибири. Ханты и манси имеют небольшие, но все же определенные различия, причем смежные группы двух этносов обычно более похожи друг на друга, чем каждая из них на отдаленную группу своего этноса. Та же закономерность прослеживается и у селькупов. По антропометрическим данным, зауральские северные ханты ближе к манси, чем к восточным ваховским хантам. И в брачном отношении группы северных и восточных хантов сильно изолированы. Заслуживает внимания тезис З. П. Соколовой о том, что ханты не сложились в один этнос. Привлечение материалов по брачности населения в данном случае вполне правомерно. Действительно, ни этноним, ни язык, ни культура не позволяют с такой определенностью решить этот непростой вопрос. Об антропологии манси как единого целого судить сложнее из-за отсутствия сопоставимых материалов со всей территории их расселения. Ханты по ряду важных признаков весьма гетерогенны в региональном масштабе. Помимо существования особенностей у зауральских и ваховских хантов, есть специфические черты у южных иртышских хантов, в зубной системе которых неожиданно с высокой частотой фиксируются черты южной монголоидной ориентации. Вероятно, факт этот можно увязать с практикой брачных контактов между южными хантами и татарами. Некоторые группы хантов (например, с реки Салым) весьма своеобразны, но инородных влияний не испытывали. По-видимому, такую ситуацию объясняет очень высокий уровень эндогамии в относительно небольших по численности населения группах. Вообще уровень эндогамии некоторых территориальных (диалектальных и говорных) и особенно этнографических (терминология З. П. Соколовой) групп обских угров был высоким, что говорит об их биологической изолированности. Очень высокий показатель эндогамности фиксируется для уезда в целом. Совершенно справедливо видеть сильную зависимость эндогамности аборигенного населения от его численности. Установление эндогамных ареалов разных уровней позволяет очертить границы исторических подразделений хантов и манси. Это особенно важно для контактных зон,

• Начало см.: Этнографическое обозрение. 1992. № 3.

поскольку естественно-исторические границы в целом не совпадали с административным делением Тобольской губернии на уезды и волости. Таким образом, материалы З. П. Соколовой дают хорошую базу для формирования антропологических выборок, а также для понимания причин дифференциации физического типа таежного западносибирского населения.

В теоретическом аспекте статья ориентирована на определение роли эндогамии в качестве признака этноса. И здесь автор, как нам кажется, завышает значение этого признака, рассматривая его в ряду основных этнических показателей. Многолетние разработки материалов по обским уграм привели к эволюции взгляда З. П. Соколовой по данному вопросу от более осторожной оценки эндогамии как дополнительного признака этноса. Представляется важным, что основные признаки этноса существуют как на коллективном, так и на индивидуальном уровнях. Быть может, это и выдвигает их в число главных маркеров. Язык, материальная и духовная культура, самосознание, территория — важнейшие признаки этноса потому, что они специфичны именно для данной социальной общности людей. С ними может быть сопряжена раса, т. е. биологическая общность. В таком случае и раса начинает выполнять функцию этноопределителя. А наличие на протяжении многих поколений эндогамии — это отражение функционирования основных маркеров этноса, косвенное свидетельство социального, а возможно, и биологического единства данной общности. Только при такой ситуации популяция не выступает в качестве первоосновы этноса. Эндогамия — явление, сопровождающее жизнь этноса как целостного организма, явление, которое представляет лишь следствие изолирующего влияния основных этнических маркеров. Эндогамия и раса однотипны по своему отношению к этносу — они вторичны по отношению к нему. Впрочем, такой взгляд на взаимосвязь эндогамии и этноса, вероятно, можно считать упрощенным. Ведь этнос — не одномерное стабильное образование, а динамичная многокомпонентная система, пронизанная обратными связями в функционировании ее компонентов. В подобных ситуациях всегда бывает сложно найти единственное решение и определить на все случаи жизни — что первично, а что вторично. Бесспорный факт — образование этнических групп в результате изоляции расстоянием. Но что такое географическая изоляция в демографическом выражении, как не эндогамия? Поэтому первичность эндогамии, а значит и популяции, в этнообразующем процессе как одно из возможных его направлений следует признать реальным.

Эндогамия, на наш взгляд, не столько показатель самого этноса, сколько демографический показатель его воспроизводства. Процент этнической эндогамии указывает на ту долю населения, которая наиболее вероятно сохранит этнические черты. В то же время этноопределителей несколько, а процент эндогамии вычисляется лишь по этнониму. Таким образом, этническая эндогамия отражает только основную долю в воспроизводстве этнонима (оставшуюся долю воспроизведет часть потомков от национально-смешанных браков). И только в сопряженности с этим процессом можно предполагать сохранение других этнических признаков.

Эндогамия — безусловно механизм интеграции этноса, его стабилизатор. Однако это далеко не единственный такой механизм, а лишь стоящий в ряду других обычаев этнической общности. В сущности большинство обычаев выполняет функции интеграции и стабилизации, а их ослабление говорит о размывании этноса. Но эндогамия — единственный обычай, который непосредственно поддерживает этнос как биологическую популяцию.

Хотелось бы знать мнение З. П. Соколовой о соотношении официальной статистики брачности и реальной картины биологических контактов у обских угров. Как велик (хотя бы ориентировочно) был процент внебрачных детей от иноплеменников? Ответ на этот вопрос мне представляется следующим образом. Несмотря на то, что какие-то внебрачные связи, строго говоря, нарушали эндогамию, однако вряд ли они сами по себе серьезно могли нарушить сохранность этнических групп. Внебрачные дети остаются при матери, а роль женщины

в сохранении традиций велика. Поэтому в социальном отношении уже первое поколение детей от родителей из разных этнических групп полностью интегрировано в группу матери. Более значительное влияние потомки таких родителей могли оказать на биологию популяции, физический тип населения. Однако и здесь внешние инорасовые черты при единичных включениях и однонаправленном смешении сглаживаются довольно быстро — через два-три поколения. Об этом говорят наши наблюдения по метисам нарымских селькупов и русских. При смешении более похожих в антропологическом отношении групп, каковыми являются ханты и манси, ханты и нарымские селькупы, процесс нивелировки инородных черт идет, очевидно, еще быстрее.

Я высоко оцениваю работу З. П. Соколовой. Но осталась одна терминологическая неясность, которая касается отождествления автором понятий «эндогамный ареал» и «дем». Дем как элементарная популяция, т. е. совокупность особей, не может быть ареалом. Очевидно, автор под «эндогамным ареалом» в таком случае подразумевает «эндогамную группу».

Все сказанное не мешает признать, что использование территориальной эндогамии в качестве вспомогательного признака для очерчивания этнических общностей целесообразно. Это надежный критерий интеграции этноса на стадии становления, его стабильности на стадиях плато и размывания, причем не только в социальном (как, например, языковые показатели), но и в биологическом отношениях. Он наиболее эффективен в периоды, которые предшествовали современным демографическим сдвигам. Устойчивое снижение процента эндогамии — в большинстве случаев предостерегающий сигнал для этноса. Подробная разработка З. П. Соколовой подтвердила в качестве «опасного рубежа» уровень снижения эндогамии примерно в 15%. В то же время, как и любой статистический показатель, этот порог нельзя абсолютизировать и видеть в нем жесткую норму. Именно такой подход демонстрирует настоящая статья. В процессах становления и размывания этнических общностей представляются важными такие факторы, как абсолютная численность населения, пол иноплеменников, этническая ориентация потомков от смешанных браков, сходство контактирующих групп. По-видимому, в истории человечества нередки ситуации, когда группа сохраняет себя в качестве социально-этнической общности путем резкого ослабления эндогамии в некоторый исторический период и включения в свой состав потомков от экзогамных браков. С другой стороны, если такие потомки уходят из малочисленной, в несколько сотен человек, группы, то даже несколько процентов экзогамных браков могут постепенно привести к ее полной ассимиляции.

Г. А. Аксянова

The article gives a high appreciation of the work of Z. P. Sokolova on discovering of endogamy areas among the Ob Ugrians which gives an opportunity to understand the anthropological differentiation of the population of the West Siberian Taiga. It is mentioned, that the endogamy is useful, but only secondary element in determining ethnic boundaries. Ethnic endogamy is rather a demographic indicator, than a characteristic of ethnos, and it especially indicates the reproduction of ethnonym. It is stressed, that territorial endogamy, as an ethnic indicator, is most efficient for the period before the modern demography changes.

G. A. Aksyanova

В начатой дискуссии просматриваются два аспекта: проблема соотношения этноса и эндогамии и выработка методологического подхода, который обеспечил бы систематизированный аппарат аргументации.

Необходимо заметить, что в многолетней полемике фундированное исследование З. П. Соколовой (Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990, по которой и написана ее статья, послужившая началом настоящего обсуждения) занимает особое место ввиду содержащегося в нем корпуса данных, референтных обсуждаемой проблеме. Совершенно оправдано пристальное внимание к операциональному аспекту исследования, призванному обеспечить методологическую основу выводов, безусловно задающих логику рассуждений по рассматриваемой теме.

Не только правомерно, но и единственно возможно связать функциональный аспект определения эндогамных ареалов с механизмом поиска так называемых узловых районов с локальными максимумами плотности брачных связей.

Работа, послужившая поводом для возобновления обсуждения, демонстрирует дифференцированный подход к предъявленной методологической стратегии. И здесь необходимо кратко рассмотреть специфику информативного массива по Северной Азии. Изучение пространственно-географического структурирования брачных систем этого региона вносит некоторую коррекцию в понятие поселенческой единицы, основываясь на которой обычно приступают к конкретным операциональным процедурам. Суровые просторы Северной Азии являют исследователю дисперсно разобщенные на значительных расстояниях небольшие экзогамные мобильные поселенческие точки (наподобие юрт или стойбищ) полупоседлого или кочевого населения, жестко соотносенные с дефинициями сезонного ведения хозяйства оленеводческого или охотничье-рыболовного культурных типов. Актуальность такой коррекции становится особенно очевидной по мере ввода в научный оборот ретроспективных архивных материалов прошлых столетий — времени, когда население региона не подвергалось произвольным административным пертурбациям (имеется в виду сселение в стационарные поселки с последующим их неоднократным укрупнением в советское время) и обитало на широких пространствах в согласии с самим собой и с природой.

В целях выявления операбельного элемента территориальной структуры расселения применительно к такого рода данным целесообразно, на наш взгляд, было бы предложить метод координатной сети, заключающийся в разбивке картографируемого пространства обитания на квадраты, сопряженные со средними расстояниями между мобильными поселенческими точками (стойбищами, юртами), либо с размерами территорий традиционных перекочевков. Число ячеек координатной сети и их информативный объем затем могли бы послужить основой для построения матриц брачных миграций с применением последующих этапов метода регионального анализа (поиска и оценки градиентов плотности брачных связей)¹ в конкретной системе расселения исторических популяций.

Необходимо резюмировать: применение предложенного выше метода предусматривает в качестве объекта изучения кочевые или полукочевые, по преимуществу безродовые, сообщества прошлого Северной Азии, не имевшие постоянных, точно локализованных территориальных привязок своих поселений.

В оригинальном исследовании З. П. Соколовой, дерзнувшей привнести счет и меру в столь давнюю проблему соотношения двух упомянутых явлений, реализован по сути дела тот же метод координатной сети в некоторой вариации:

в качестве системы координат здесь использовано территориально-административное деление региона. Относительно последнего есть необходимость специально подчеркнуть нерандомизированность его системообразующего императива, в создании территориальной структуры обско-угорского населения административные органы руководствовались уже имевшимися родо-племенными границами, в свою очередь, жестко соотнесенными с окружающим геобиоценозом — очертания волостей, как правило, аналогичны замкнутым речным бассейнам, заселенным относительно обособленными этническими массивами².

Таким образом, система терминов, в которых автором рассматриваемой статьи осуществлен поиск эндогамных ареалов, имеет объективные системообразующие связи и адекватна реальному пространственному распределению обско-угорского населения, его исторической структуре; а посему реализованная в названных рамках стратегия аналитического подхода не может рассматриваться в качестве субъективно-произвольной предзаданности. Доказательством этому служит тот факт, что по данным исследования уровня изокальности браков в элементах координатной сети тем не менее выделяются функциональные, узловые районы с локальными максимумами брачных связей, отвечающие требованиям методологических постулатов регионального анализа, безусловно перспективного в плане реконструкции популяционных структур прошлого.

В качестве примера можно привести хотя бы салымских или ваховских хантов³, сильная компонента которых (выражаясь языком теории графов⁴) была выделена автором обсуждаемой работы из ряда регионов, относящихся к различным уездам с соблюдением наличия самых высоких частот брачных связей при взаимной достижимости ее вершин (в данном случае — это волости, рассматривающиеся в качестве элементов координатной сети, а затем и брачной матрицы).

Конкретные операциональные процедуры метода, реализованные автором в исследовании, заключаются в следующих этапах:

- 1) оценка удельного веса интрлокальных брачных контактов во множестве связей каждого элемента координатной сети (серия таблиц — 1—54, 55—108);
- 2) примерное выделение функциональных районов с максимумами плотности брачных связей в результате анализа брачных матриц, построенных на основании данных элементов координатной сети (серия таблиц — 109—112);
- 3) шлифовка и уточнение выделенных эндогамных ареалов при помощи анализа колебаний уровней плотности брачных связей в группируемых элементах координатной сети с соблюдением принципа их взаимной достижимости и получения самых высоких частот (серия таблиц — 121—124)⁵.

Правомерность системы поисковых ориентиров, примененных З. П. Соколовой, находит в той же работе свое объективное подтверждение в примере более конкретного определения брачной структуры населения Березовского уезда по данным серии таблиц ее работы (1—54).

Предложенная вниманию матрица брачных связей демонстрирует возможность выделения ряда районов с повышенной плотностью брачных контактов: это, прежде всего, — Обдорско-Куноватская, Казымско-Подгородная и Ляпинско-Сосьвинская группы. К этому северному скоплению брачных ареалов, соответствующему в этноструктурной иерархии обско-угорского населения этнографическим группам северных хантов и манси, примыкает промежуточный, переходный район с повышением плотности брачных связей, вектор которых имеет меридианную ориентацию. Это Чемашевско-Шеркальско-Естыльская группировка, преимущественно ориентированная в северном направлении на Казымско-Обдорский, а в южном направлении, через Мало-Атлымскую группировку — на Ендырско-Сухоруковско-Белогорский узловой район, соответствующий части южных хантов.

Матрица брачной миграции волостей Березовского уезда *

№№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	58	44	1,5	11	22	19	0,8	0,4	0,2	—	—	—	—
2	55	57	5	1,5	5	20	8	2,5	3	—	—	—	—
3	2,8	8,7	73	4	9,5	46	11,5	0,8	0,8	8,5	—	—	—
4	16	1,8	3	55	72	7	0,5	—	—	—	—	—	—
5	24	5	5	53	62	12	0,25	0,25	—	—	—	—	—
6	22	17	27	5	13	50	13	0,7	0,7	—	—	—	—
7	2,5	16	13	1,3	0,6	24	38	15	25	—	—	—	—
8	1	4	1	—	0,5	1,5	18	14	53	19	—	—	—
9	0,4	3	0,5	—	—	1	20	34	44	36	—	—	—
10	—	—	6	—	—	0,6	1	11	31	49	17	16	12
11	—	—	2	—	—	0,5	0,5	—	3,5	25	42	25	34
12	—	—	—	—	—	—	0,5	—	—	19	35	25	25
13	0,4	—	0,4	—	—	0,8	0,4	—	3	19,6	19,6	19,6	31

* По парам элементов координатной сети Березовского уезда: строка — доля (в %) ляпинско-сосвинских браков в общем числе ляпинских межволостных браков; столбец — доля (в %) ляпинско-сосвинских браков в общем числе сосвинских межволостных браков и т. д.; диагональ матрицы — доля (в %) внутриволостных браков от общего числа браков для данной волости.

Такова в первом приближении схема брачной структуры населения Березовского уезда, отличающегося высокой степенью интролокальности браков в своих пределах. По данным материалов, приведенных в исследовании, нет возможности сделать эту структуру более точной. И здесь автору рассматриваемой статьи можно предъявить претензии; не учтены конкретные направления брачных связей — пути единичной длины («женщина ушла по браку»), («женщина пришла по браку»), в силу чего не удастся дать более подробные пространственные координаты брачных кругов и оценить уровни эндогамных барьеров.

Тем не менее необходимо заметить, что перед З. П. Соколовой, по всей видимости, не стояли именно такие стратегические цели исследования. Она не ставила задачу детально проанализировать обско-угорскую популяционную структуру. Проблема формулировалась и рассматривалась автором в несколько ином ракурсе, а именно: определение уровня эндогамии компонентов этноструктурной иерархии обско-угорского населения с дальнейшей интерпретацией полученных результатов в рамках обсуждаемой темы. Степень детализации эндогамных ареалов в данном случае кажется вполне приемлемой для решения вопроса о характере эндогамии этнографических, территориально-диалектных и территориально-говорных групп.

Хотелось бы особенно подчеркнуть отсутствие эклектичности в сочетаниях фундаментальных брачных кругов в этнографических группах хантов и манси XVIII—XIX вв., поскольку все они, будучи не абсолютно замкнутыми системами (оценка уровней эндогамных барьеров различных таксономических рангов — предмет будущих исследований), объединены прескриптивно оформленной культурной традицией дуально-фратриальной экзогамии.

Применительно к характеру эндогамии этноса в целом и его иерархических подразделений, по всей видимости, следует говорить о различных таксономических рангах эндогамии, имеющих, тем не менее, культурные дефиниции. Но этот вопрос находится несколько за рамками настоящей дискуссии.

Ранее мы не занимались проблемами соотношения эндогамии и этноса. Тем не менее хотелось бы высказать некоторые соображения, могущие иметь для рассматриваемой темы какое-то значение.

Прежде всего было бы логично определить позиции упомянутых явлений в координатах времени и пространства. Эндогамия как феномен носит изначально стадийный характер. Не затрагивая человечество в целом, остановимся на регионе, послужившем информативной основой для настоящего обсуждения. На-

селение Северной Азии в качестве объекта исследования особенно ценно тем, что имеет многовековую социокультурную преемственность и стабильные популяционно-демографические характеристики⁶. Его биосоциальные особенности во многом позволяют формировать представление о популяциях древних аборигенов высоких широт Азии, развивавшихся в условиях изолятов, разобщенных на огромных пространствах. Естественно, эндогамия в подобных условиях была, что называется, от Всевышнего. Но однажды став причиной биосоциального комплекса особенностей этноса, она затем, много позже, превратилась в его следствие.

Брачный барьер, детерминированный этническим самосознанием, из глубины веков «напоминающим» об опасных последствиях нарушения популяционной гомогенности, находящейся иногда в жестком соответствии с биоценозом вмещающего ландшафта, вряд ли можно отнести к характеристикам количественной эндогамии даже в том случае, когда эксплицитные нормы заключения браков уже утрачены.

Попутно здесь необходимо заметить, что феномен эндогамии, рассматриваемый с биологических позиций, носит, на наш взгляд, двоякий характер: с одной стороны, вектор его воздействия на человеческие сообщества прямо противоположен ряду эволюционных факторов — изменениям внешней среды, мутациям, миграциям. Как уже говорилось, с этой точки зрения эндогамия — фактор популяционной гомогенности. Но с другой стороны, в аспекте биосоциальной ретроспективы феномен эндогамии обусловил гетерогенность межпопуляционной мозаики, а следовательно, препятствуя унификации генофонда (в масштабах Северной Азии) мотивировал разнообразие генных частот и ограничение панмиксии, выполняя функции эволюционного фактора.

В ракурсе изложенного выше соображения можно заключить: роль эндогамии в истории человеческих сообществ жизненно важна и неоднозначна. Соотношение формулы «ведущий — ведомый» применительно к этносу и эндогамии менялось, а в ряде случаев находилось в зыбком паритете. Последнее касается равновесных, жестко ориентированных популяций Крайнего Севера (энцы, нганасаны), вынужденных, образно выражаясь, балансировать между Сциллой и Харибдой усиления и ослабления миграционного потока генов, удерживаясь на определенном, только им присущем уровне, попутно сохраняя своеобразие антропологического типа и культурную самобытность. Эти обстоятельства, безусловно, нужно иметь в виду, давая оценку уровням этнической эндогамии в той или иной фазе существования этноса. Помимо этого, следует также учитывать в каждом конкретном случае динамические колебания этого показателя, обусловленные историческими коллизиями, особенно в периоды этнической регенерации в результате сокращения численности в постэпидемические периоды и после голодовок, которыми история населения Северной Азии необычайно богата. В такие моменты, как показывает опыт ретроспективного изучения системы воспроизводства нганасан и энцев, эндогамные барьеры меняют степень и направление своей pronouncedости.

Можно предположить, что показатели эндогамии должны быть детерминированы не только естественно-географическими барьерами, административно-территориальным делением, государственной национальной политикой, но в первую очередь — условиями обитания в той или иной климатической зоне, а также культурно-хозяйственным типом. Эти детерминанты приобретают первостепенное значение в изучении именно традиционных сообществ прошлого, тогда как в новое и новейшее время на проблему соотношения этноса и эндогамии начинает оказывать влияние целый ряд конъюнктурных факторов, включая политические. Тем более значимым кажется вклад в обсуждаемую тему, сделанный фундаментальным трудом З. П. Соколовой, который, несмотря на ряд спорных экстраполяций, тем не менее результатами исследования закладывает объективную основу для понимания взаимосвязи этих двух явлений как в прошлом, так и в настоящем.

Г. М. Афанасьева

¹ Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции//Сов. этнография. 1986. № 4; *его же*. Популяционная структура алтайских меннонитов по данным о брачной миграции//Вопросы антропологии. 1990. Вып. 84.

² Долгих Б. О. Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII в./ТИЭ. Т. 55. М., 1960; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.

³ Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.

⁴ Соколовский С. В. Брачные круги и эндогамные барьеры.

⁵ Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа.

⁶ Рычков Ю. Г. Система древних изолятов человека Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики//Вопросы антропологии. 1973. Вып. 44.

Considering endogamy's role in human history, the author notes that it is both stabilizing and evolutionary factor. An analysis of Ob Ugrian marriage stratification confirms that endogamy has certain evolutionary stages. Z. P. Sokolova deserves praise for studying spatial marriage structure by a co-ordinated network technique.

G. M. Afanasieva